

ХУАСТВАНИФТ

(Манихейское покаяние в грехах)

Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies

X^uASTVANIFT

(Manichaean confession of sins)

Facsimile Edition
Preface, transcription of the Uighur text, translation by L. Yu. Tugusheva
Comments by A. L. Khosroyev

Nestor-Historia
Saint Petersburg
2008

Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения РАН

ХУАСТВАНИФТ

(Манихейское покаяние в грехах)

Предисловие, транскрипция уйгурского текста, перевод Л. Ю. Тугушевой
Комментарий А. Л. Хосроева
Факсимиле текста

Нестор-История
Санкт-Петербург
2008

УДК 254.4(=943.86)
ББК 86.378.141.42(544)

Хуастванифт (Манихейское покаяние в грехах). – Нестор-История,
2008. – 82 с.

ISBN 978-59818-7283-9

- © Тугушева Л. Ю., предисловие, транскрипция
уйгурского текста, перевод, 2008
- © Хосроев А. Л., комментарий, 2008
- © Издательство «Нестор-История», 2008

*К 190-летию Азиатского Музея
и 100-летию первого издания Хуаствашифта*

Содержание

Предисловие	7
Транскрипция текста.....	13
Перевод.....	16
Комментарий.....	21
Termini technici	56
Index locorum	57
Библиография.....	61
Summary	69
Факсимиле текста.....	70

«Zuletzt will ich bemerken, dass Reeditionen von Texten
oft sehr nöthig sind,
besonders wenn ein Fachgelehrter
die erste Edition für ungenügend oder dilettantisch hält...»
Radloff, 1909, 51

Предисловие

Сведения, приведенные в китайской надписи на Карабалгасунской стеле, наряду с некоторыми другими источниками давали основание для заключения, что манихейство было провозглашено в Уйгурском каганате официальной религией в 763 г. третьим уйгурским каганом, носившим титул *ingridä qut bulmiš el tutmiš alp külüg bilgä qaγan* «Принявший счастливый удел от Неба, державный, героический (~отважный), прославленный, мудрый каган», в китайских источниках именуемый *Моуи*-каганом (759–779 гг.)¹. В этой надписи сообщается, что церемония провозглашения происходила в присутствии наместников областей, внешних и внутренних советников, военачальников. В речи кагана содержались слова: «Вы должны принять религию Света»². Однако исследования, проведенные в недавнее время, позволили установить, что, несмотря на призыв кагана, манихейство не было принято в качестве официальной религии при *Моуи*-кагане, который был убит во время антиманихейского переворота³, а значительно позже в правление кагана, в китайских источниках упоминаемого под именем *Huaixin* (795–808 гг.), носившего титул *ingridä ülüg bulmiš alp qutluγ uluγ bilgä qaγan* «Принявший (свой) удел от Неба, героический (~отважный), наделенный благодатью, великий, мудрый каган», в тюркских текстах именуемого *Бокуг*-каганом⁴.

Бокуг-каган происходил не из правящего уйгурского рода *Яглакар*, а из рода *Эдиз*, и его приход к власти, сопровождавшийся сменой династий, не мог обойтись без противостояний и, возможно, он был вынужден постоянно подтверждать легитимность своего правления. Существует мнение, что при приходе к власти ему оказали поддержку манихеи и принятие манихейства при нем было своего рода ответом на эту поддержку⁵. При нем манихеи вновь обрели свое влияние при уйгурском дворе, утраченное в связи с переворотом при *Моуи*-кагане.

Но манихейство, как официальная религия, среди уйгуров продержалось недолго. После столкновения с кыргызами в 840 г. и перемещения токузогузов, составлявших этническое ядро каганата, в Восточный Туркестан, где уже ранее проживали родственные им племена, манихейство утратило свои прежние позиции в этой среде и сохранялось лишь как одно из второразрядных верований наряду с несторианством и иными верованиями на фоне пышного расцвета буддизма, длившегося вплоть до воцарения на этой территории ислама в начале XV в.

¹ Orkun, 1981, II, 41 (233); Hamilton, 1955, 139.

² Orkun, 1981, II, 41 (233).

³ Kasai, 2004, 14.

⁴ Kasai, 2004, 11.

⁵ Kasai, 2004, 13–14.

Столь быстрая утрата манихейством своих позиций в тюркской среде была предопределена сложившейся ситуацией. Согласно сообщению арабского историка ал-Мас'уди, манихейство в тех областях было представлено только в среде «токузгузов»⁶, в отчете же о путешествии Тамима ибн Бахра в страну токузгузов содержится замечание, что «манихейство было религией городов»⁷. На основе этих сообщений можно заключить, что манихейство в той среде не смогло перешагнуть за городские стены и не получило распространения среди широких масс кочевников, обитавших, как правило, вдали от городов. Более того, как справедливо замечает Йес П. Асмуссен: «Успех манихейских миссионеров среди этого класса (т.е. правящей верхушки каганата – *Л. Т.*) в восьмом веке должно было рассматриваться как явление неестественное»; в эпоху Тоньюкука такое не могло бы произойти. «Народ, *qara bodun*, имел свои религиозные представления, которые не были затронуты действиями правителей»⁸.

Хотя манихейство в Восточном Туркестане, как было сказано выше, оставалось неофициальной религией, его служители не без некоторого успеха продолжали борьбу за влияние в регионе. В упомянутом выше китайском тексте на Карабалгасунской стеле о манихеях говорится, что «их красноречие было подобно реке, текущей по крутому склону»⁹. Судя по источникам, манихеи виртуозно использовали в своей борьбе «за души людей» возможности речевого воздействия. Публичный текст может служить одним из подтверждений тому. Уже первые исследователи тюркской версии Хуастванифта как одну из приметных его черт выделяли необычайную «ясность и чистоту» языка этого произведения. В. В. Радлов о языке произведения пишет следующее: «Автор или переводчик Чуастанит'а был, очевидно, тюрком; он составил свой труд, предназначенный для необразованных народных масс, на чистейшем тюркском языке и в столь образцовой форме, что я не знаю ни одного другого тюркского произведения, которое хотя бы отдаленно могло сравниться с ним по чистоте языка»¹⁰. Но эта кажущаяся простота языка произведения, достигаемая отчасти путем отказа от использования специальных эзотерических терминов и излишне осложненных синтаксических конструкций, является одним из нарочитых приемов, позволявших сделать текст предельно доступным для восприятия. Примечательно также то, что форма построения произведения, его стилистика, фразеология и, нередко, символика и термины воспроизводят образцы, характерные для буддийских сочинений соответствующего содержания, которые были в ходу в Восточном Туркестане в рассматриваемый период. Эти сочинения представляли собой обращение к божествам с покаянием и молитвой об отпущении грехов и в тюркской версии были известны под названием *kšanti qil'uluq nom* «Книга для покаяния»¹¹. Они имели ярко выраженную ритмическую структуру, в немалой степени обусловленную тем, что признание в грехах было сопряжено с особым ритуалом, предполагавшим рецитирование текста. В основе этого ритуала, как замечено исследователями, лежало представление о том,

---

⁶ Meynard – Courteille, 1861, I, 288.

⁷ Бартольд, 1968, 55.

⁸ Asmussen, 1965, 148.

⁹ Orkun, 1981, II, 41 (233).

¹⁰ Radloff, 1909, III–IV; см. также: Бартольд, 1968, 57.

¹¹ Röhrborn, 1971, 7.

что избавление от грехов (страданий) происходит во время рецитации текста¹². Следуя буддийскому же образцу, в качестве организующей основы манихейства в сочинении провозглашена триада *ngri – nom – quvray* (Бог – Учение – община), являющаяся аналогом буддийского *buddha – dharma – samgha* (Будда – Учение – община)¹³, термин *burxanlar* «будды» используется в тексте для обозначения как самого Мани, так и следующих за ним глав манихейской церкви и т. п. Но за этим внешним буддийским антуражем скрывается настойчивое и целенаправленное стремление к продвижению своей религии. В этом отношении рассматриваемый текст может служить наглядной иллюстрацией того, насколько искусно манихеи могли адаптировать свои религиозные взгляды к местным условиям в целях более успешного распространения своего учения. Проявлением мимикрии манихейства по отношению к буддизму, по всей видимости, является отождествление Мани с Майтреей в тот период, когда в Восточном Туркестане получил широкое распространение культ Майтреи¹⁴.

В колофоне к одному из манихейских текстов, фрагменты которого в свое время были обнаружены в Восточном Туркестане и опубликованы А. фон Лekoком¹⁵, помимо прочих сведений содержится упоминание о «слове» (речи, проповеди?), произнесенном «в Отюкене»¹⁶ в конце VIII в. видным манихейским иерархом (магистакom)¹⁷, имевшим титул *ngri m(a)r niv mani m(a)xistak*:

13. ymä ngri mani burxan
14. ngri yér-ingärü barduqïnta
15. kin béš yüz artuqï äki-i
16. ot'uz-unč layz-ïn yïl-qa
17. ötükäntäki nom ul-'uŷi
18. tükäl erdämlig y(ä)rl-ay- qančuči
19. bil-gä b(e)g ngri m(a)r niv mani
20. m(a)xi-stakk ay-ŷ'in bu äki...

«По прошествии пятисот двадцати двух лет после того, как божественный будда Мани ушел в землю богов, слово пребывавшего в Отюкене великого в учении, совершенного в добродетели, милосердного (~сострадательного), мудрого бека Тенгри (~божественного) Мар Нив Мани магистака эти два ...».

В другом манихейском тексте из Восточного Туркестана содержится легенда о принятии манихейства в Уйгурском каганате¹⁸. Эти тексты по меньшей мере свидетельствуют о том, что уже в Восточном Туркестане, по прошествии около трех веков, манихеи настойчиво апеллировали к своему былому влиянию в

---

¹² Asmussen, 1965, 154; Röhrborn, 1971, 8.

¹³ Asmussen, 1965, 227, примечание 262-263.

¹⁴ См., например: Klimkeit, 1987, 58–75; Kasai, 2004, 16; Хосроев, 2007, 115, прим. 539.

¹⁵ Le Coq 1911, 12 (13-20).

¹⁶ Отюкен — название местности на Хангайском нагорье в Западной Монголии, где находилась резиденция тюркских (после 745 года уйгурских) каганов.

¹⁷ *māxistak* (ср.-перс. *māhystg* [mahistag]; см. DictMT II, 228) «пресвитер» — третья (после «учителей» и «епископов») ступень в иерархии манихейской церкви (см. ниже: комм. XIV).

¹⁸ Bang – v. Gabain 1929/1930, II, 6-10.

Уйгурском каганате, очевидно, с целью как-то сохранить свои позиции в условиях активного распространения в этом регионе других религий.

Текст. Общие сведения

Публикуемый текст состоит из пятнадцати однотипных разделов и заключительной части. Каждый из разделов посвящен одному из видов прегрешений, начинается с обращения к Богу (*ingrim*) и завершается обращением к нему же с мольбой об освобождении от греха и краткой ираноязычной формулой *man(a)star hīrz-a* «Прости мой грех!». Отдельные сегменты (звенья) внутри разделов заканчиваются одним и тем же общим элементом *ersār*, способствующим созданию эффекта параллелизма звеньев, последовательный повтор которых не мог не приводить к усилению экспрессии в процессе рецитации текста.

Текст памятника составлен на стандартном тюркском языке, характерном для восточнотуркестанских литературных произведений X–XI вв.; тем не менее в нем имеются, хотя и незначительные, но отклонения от стандарта. Так, например, показатель винительного падежа при твердоряльных основах представлен с широким гласным в его составе: *tīnl(i)γay* (36) *tural(i)γay* (36), в отличие от типической для текстов указанного круга формы *tīnl(i)γīγ*, *tural(i)γīγ*. Отступлением от нормы является также передача слова со значением «грех» в форме *suu* вместо более употребительного в тот период его графического отражения в форме *tsuu*. Деепричастная форма *tébān* от глагола *té* «сказать» употребляется в роли служебного слова, соединяющего зависимые предложения с главным и др.

Расхождения в списках текста из Британского музея и из собрания рукописей СПбФ ИВ РАН незначительны, но в некоторых случаях они имеют существенное значение для интерпретации текста. Так, из двух вариантов фразы: *nečā évāk urunčaq yéd(i)m(i)z ersār* (из списка Британского музея, стк. 112-113) и *nečā évāk kiši urunčaqīn yédim(i)z ersār* (из петербургского списка, стк. 49), содержания фразы в последнем выражено несомненно более точно и определенно.

Предыдущие публикации текста

Первая публикация петербургского списка памятника была осуществлена академиком Василием Васильевичем Радловым (1837–1918)¹⁹. Его публикация содержала текст сочинения, воспроизведенный наборным уйгурским шрифтом, перевод на немецкий язык, примечания и факсимиле 144-160 строк оригинала. Публикацией В. В. Радлова, содержавшей детальный многосторонний анализ текста, была заложена надежная основа для дальнейших исследований текста. Позднее в России (СССР) сочинение издавалось дважды. С. Е. Малов включил его в состав своего фундаментального пособия для изучения древних тюркских письменных памятников²⁰, где были представлены наборное воспроизведение 32-160 строк рукописи, латинская их транскрипция, русский перевод и примечания. В соответствии с характером данного издания С. Е. Малов в целом воспроизвел интерпретацию

---

¹⁹ Radloff, 1909.

²⁰ Малов, 1951, 108-128.

В. В. Радлова лишь с незначительными коррективами. В осуществленной позднее публикации Л. В. Дмитриевой была сделана попытка составить сводный текст памятника на основе трех его списков²¹. Но следует заметить, что в результате этой публикации не только не был достигнут сколько-нибудь заметный успех в деле дальнейшего изучения памятника, но в некоторых отношениях она явилась шагом назад в сравнении с публикациями предшественников. Подлинным прорывом в исследовании памятника явилась работа Йёса П. Асмуссена²², основанная на данных широкого круга самых разнообразных источников, относящихся к данной тематике.

Хуастванифт — уникальный во многих отношениях памятник, содержащий элементы мифологии и понятийной системы религии, сыгравшей в свое время существенную роль в формировании идеологии и политики в ряде стран Евразии. Целью настоящей публикации является попытка представить интерпретацию тюркской версии памятника на основе новых достижений в области изучения соответствующего круга источников.

Графические особенности текста

Рукописный текст памятника, хранящийся в собрании СПб ИВР РАН, составлен на основе так называемого уйгурского письма. Нормы графики и орфографии в тексте в общих чертах совпадают с нормами, характерными для уйгурографических восточнотуркестанских текстов X–XI вв.

В соответствии с принятыми в тексте нормами графики:

1. Сверхкраткие гласные *i//i* в аффиксах не обозначаются: *tīnl(i)γ* (36), *tural(i)γ* (36), *qorqūtd(i)m(i)z* (36), *qovlad(i)m(i)z* (45) и др. Отступления от этой нормы являются редкими и случайными исключениями из правила: *yedim(i)z* (46), *söz-lädīm(i)z* (46).

2. В первых закрытых слогах с сонорными и плавными согласными в ауслауте широкие нелабиализованные гласные графически не обозначаются: *i(e)ngri*, *y(a)ruq*, *y(a)vlaq* и др.

3. Мягкорядные лабиализованные гласные *ö//ü*, передаваемые в письме двойным знаком *WY*, в основах, имеющих в своем составе знак *K*, обозначаются одним знаком *W* (*KWNGWL* = *köngül* (46), *YWKWNC* = *yükünč* (57), *KWCLWK* = *küčlüg* (78) и др.), за исключением некоторых односложных основ, в которых этот звук в том же окружении передается обычным двойным знаком (*kün* > *KWYN* (49), *kör* > *KWYR* (91) и др.).

4. Звуки *q* и *γ(x)* различаются; глухой (сильный) согласный *q* выделяется с помощью двух диакритических точек сверху (слева) от знака *Q*; наряду с тем в тексте встречаются случаи чередования и того и другого знака в идентичной позиции: *tamqa* (80, 81) и *tamqala-* (79).

5. Звуки *v* и *y* передаются в письме с помощью одного и того же знака *Y*.

6. *s* и *š* графически не различаются.

7. Алиф и *n* различаются лишь незначительным изменением конфигурации одного и того же знака («зубца»).

²¹ Дмитриева, 1963, 214–232.

²² Asmussen, 1965.

Лабиальная гармония гласных последовательно отражена графически: *urtumuz* (37), *boltumuz* (39), хотя встречаются нередко случаи нарушения этого правила: *qorʻid(i)m(i)z* (36) и др.

Знак *é* в транскрипции обозначает более закрытый аллофон переднерядной гласной фонемы *e*.

Знаки препинания в форме двух точек (штрихов) выделены красной тушью и отделяют предложения (в том числе и зависимые), а также некоторые словосочетания, имеющие относительно завершённую структуру, как, например, глагольные имена с их зависимыми элементами. Но строгой последовательности в применении знаков препинания не наблюдается.

Шифр хранения рукописи — SI D1 (SI 3159). Согласно сообщению *В. В. Радлова*, рукопись вместе с некоторыми другими письменными памятниками из Турфана была передана в «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии» консулом *А. В. Дьяковым*²³.

Внешние данные рукописи

Текст сочинения записан на бумаге и оформлен в виде свитка, размеры сохранившейся части которой составляют 255 x 30,5 см (склеена из листов длиной 46 см). Ширина рамки около 28 см. Бумага тонкой выработки, шлифованная, белая, слегка потемневшая от времени, верже (4 линии в 1 см). Имя переписчика (создателя?) текста (Бютюрмиш Тархан) и название сочинения приведены в конце текста и выделены красной тушью. Письмо классическое книжное, раннего периода (X–XI вв.).

Рукопись не датирована, но характер письма, как один из наиболее показательных признаков, позволяет отнести текст скорее к XI в.

---

²³ Radloff, 1909, I.

Summary

The publication presents the Turkish (Uighur) version of Manichean writing «Xuastvanift» (Confession of Sins) based on a manuscript from the manuscript collection of St. Petersburg Branch of the Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (signature SI D1 /SI 3159/).

The newly published text was copied presumably in 10–11th century on the territory of the Eastern Turkistan and is one of the rare respectively full and well preserved Manichean works, which contains many elements of mythology and practice of Manichaeism, the religion that once competed with Buddhism and Church Christianity in Central Asia, and has played an essential part in the history of Eurasian peoples.

В книге представлена публикация тюркской версии манихейского сочинения «Хуастванифт», осуществленная на основе рукописи из рукописного собрания Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Рукопись на бумаге, датируемая X–XI вв и переписанная на территории Восточного Туркестана, донесла до нас в относительно полном виде одно из важнейших манихейских сочинений, в котором содержатся основные элементы мифологии и культовой практики манихеев.

В публикации даются транскрипция и перевод текста, подробный комментарий и факсимиле текста.

Чтение и интерпретация текста основаны на современных достижениях в области изучения раннесредневековых тюркских письменных памятников и манихейства как религиозного феномена.